

Князь С. А. Щербатов

О СКОНЧАВШЕМСЯ в Риме 23 мая князе Сергее Александровиче Щербатове, известном собирателе и знатоке искусства, в особенности живописи, что он доказал своими статьями на страницах «Русской Мысли», о члене Совета Третьяковской галереи, об авторе интересных и остроумных мемуаров и вдобавок о талантливом художнике, мог бы гораздо живее и подробно написать коренной москвич, а не я — петербуржец. Но в Париже старых москвичей, вращавшихся в художественных кругах, кажется, не осталось почти никого. Князь Щербатов редко приезжал в Петербург, а я редко ездил в Москву.

Во время одного из моих посещений Первопрестольной, Сергей Александрович показал мне свой дом на Новинском бульваре, недавно построенный известным архитектором Тамановым, руководившимся, однако, идеями князя. За это здание, ставшее украшением города, Таманов получил звание академика. Для себя в этом доме князь Щербатов сохранил лишь верхний этаж и, будучи поклонником итальянских зодчих, эпохи Возрождения, украсил его грациозными лоджиями. Не так давно пронесся слух, что советское правительство собирается надстроить эти лоджии и тем искалечить архитектурную стройность прекрасной постройки. Нужно надеяться, что этот слух окажется несостоявшимся.

Князь мечтал оставить по завещанию свой дом городу Москве и превратить его целиком в музейное здание, освободив нижние этажи от квартирантов. Освобожденные таким образом комнаты,

по его желанию, следовало устроить, согласно новейшим музейным требованиям для образцовой развески картин в выгодном для них освещении. Завещанный дом позволил бы Москве не строить нового здания для все более и более накапливавшихся в ней картин новейшей школы.

В верхнем этаже, где жил князь, были: Павловская комната, розовый салон Louis XVI обставленный мебелью эпохи, был концертный зал и библиотека. По комнатам были размещены коллекции Щербатова, среди которых видное место занимало собрание икон. В первый же год революции его прекрасный дом был разграблен; госпожа Трощакова вывезла всю мебель, что случилось с коллекциями неизвестно.

В Петербурге, на Большой Мор-

ской, князь Щербатов открыл выставку, имевшую большое влияние на русское современное искусство (кстати эта выставка и носила имя «Современное искусство»). На ней можно было увидеть ряд комнат, декорированных известными тогда в России передовыми художниками: А. Н. Бенуа, Головиным, Лансером, Коровиным и даже кустарями. Кроме этих стильных комнат был особый зал, где Щербатов устроил несколько выставок, посвященных творчеству Сомова, Рериха и модного тогда в Париже ювелира Лалик; этот ювелир изготовлял из золота и прозрачной эмали павлинов и стрекоз, опрашивая их в змеиные завитушки.

Незадолго до войны Щербатов хотел выстроить в своей Подмосковной Нара-Фоминское «Детский посад» для сирот и обездо-

ленных детей, окружить его низкой монастырской стенкой и «веселыми березками» (по сведениям племянницы князя княжны С. Е. Трубецкой). Посад должен был состоять из ряда небольших домиков веселой окраски и большого центрального здания, украшенного мозаикой самого князя на тему слов Христа о детях.

Уже большевики крепко осели в Кремле, но князь Щербатов и его супруга и не думали покидать Москву. Толчком, побудившим их уехать, а затем эмигрировать, был неожиданный вечерний визит Нестерова. «Вам необходимо как можно скорее уехать отсюда», волнуясь, сообщил им художник. Следуя этому настойчивому, очевидно обоснованному, совету, Щербатовы воспользовались первым представившимся им случаем, чтобы уехать в Крым, а затем за границу. С этого дня Москва потеряла своего мецената и неутомимого деятеля на художественном поприще.

Встретил я снова князя Щербатова уже в эмиграции; он жил на юге Франции в Каннах в принадлежавшей ему вилле. Канны летом, в то время были пустыней; нарядные рестораны, магазины и гостиницы все были закрыты, за исключением маленьких пансионатов, где ютились те, кому некуда было ехать. Канны были идеальным тихим местом для отдыха, о котором я сожалел. Ставши теперь модным, он наводнен шумным толпцем самых разношерстных и разнокалиберных туристов.

Сергей Александрович предложил мне сделать маленькую поездку по окрестностям Канн. Для начала заехали в Фрейжус, где

князю любопытно было взглянуть на лагерь черных войск и на их молельню. Его всегда манила экзотика и в своей Подмосковной он держал обезьян, белых мышей и множество пестрых попугаев. Окончили мы экскурсию в Ванс, где многочисленные фонтаны навели нашу беседу на многофонтанные Рим и Витербо; эти города, как и всю Италию, князь прекрасно знал и всем сердцем любил.

Когда его доходы прекратились и Сергей Александрович не мог рассчитывать на присылку каких-либо денег из России, он принужден был расстаться со своей Каннской виллой и переселился сперва в Париж, а затем в Рим, который был для него вечной приютом.

В Риме я узнал Щербатова художника. Он и раньше писал в России, но как будто это скрывал и только очень редким близким показывал свои произведения (а между прочим он начал свою художественную карьеру как живописец и в течение почти двух лет учился в Мюнхене). Узнал я также, что когда перед войной архитектору Мусеву была поручена постройка — по его проекту — Казанского вокзала в Москве, он решил его украсить декоративными панно, исполнение которых он поручил лучшим русским художникам того времени: Рериху, Лансеру, Серебряковой, Яковлеву и князю Щербатову. Некоторые из этих декораций уже были написаны, когда грянула революция и неизвестно что с ними стало. Говорят, что произведение Рериха было разрезано на куски и эти куски посланы в Академию Художеств для раздачи ученикам, чтобы они, ввиду острого недостатка в холсте, соскоблили живопись Рериха и писали бы на этих кусках свои собственные произведения.

В Риме Сергей Александрович не только охотно показывал свои картины, но и публично выставлял их. В 1951 году на всемирной выставке религиозного искусства, устроенной в «Юбилейный год», он выставил свои произведения на религиозные темы и одно из них, как мне говорили, было приобретено Ватиканом.

Через пять лет Щербатов открыл свою собственную выставку и местная пресса очень лестно отзывалась о ней; в его творчестве усматривали соединение искусства XVIII века с искусством современным, улавливали влияние Византийских икон, Помпейских фресок и Флорентийских рисун-

ков Кватроченто.

С кончиной князя Щербатова исчезает крупная фигура любителя искусства, мецената широкого размаха и представителя привольной, своеобычной, затейливой московской жизни.

12 4 62 } 4 5 18 63
А. Т.